

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЛАВЯНСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ (Кирилло-мефодиевская проблематика)

§ 1. Общие сведения. Церковнославянский язык применяется в славянских православных церквях: в России, Белоруссии, Украине, Болгарии, Македонии, Сербии, Черногории, а также в церквях соответствующего славянского рассеяния по всему свету. Недавно (январь 1995 г.) Синод русской православной церкви подтвердил использование церковнославянского языка как литургического языка. Известный чешский палеославист В. Ф. Мареш, последние десятилетия своей жизни работавший в Венском университете, отмечал, что это церковнославянский язык русского типа с произношением, приспособляемым к соответствующей языковой среде. Он, кстати, ввел в употребление термин *новоцерковнославянский язык* для того языка, который теперь используется в храмах. Здесь этот термин будет употребляться тогда, когда потребуется подчеркнуть отличие новоцерковнославянского от церковнославянского языка, использовавшегося на предшествующих этапах. Естественно, литература на новоцерковнославянском языке продолжает издаваться соответствующими церквями. Церковнославянский язык применяется также в греко-католических (униатских) церквях, сохраняющих, как известно, элементы византийской обрядности. Другой (хорватский) тип церковнославянского языка используется в богослужении римского обряда у хорватов; этот же тип применялся в 1921–1972 гг. у чехов; с 1972 г. у чехов используется заново разработанный чешский вариант церковнославянского языка. Недавно изданы соответствующие служебники римского обряда.

В шестидесятых годах IX в. солунскими братьями (из византийского города Салоники, ныне в Греции, славянское название – Солунь) Константином (в монашестве – Кириллом) и Мефодием был создан первый письменный язык славян. Этот язык называли СЛАВЯНСКИМ (*ѡзыкъ словѣньскъ*); теперь его называют старославянским, старо- или древнецерковнославянским. Солунский диалект принадлежал к числу болгаро-македонских, а потому при

рассмотрении истории болгарского языка возникло его обозначение *староболгарский*. Это название противопоставлялось термину *старословенский*, использовавшемуся сторонниками распространенного в XIX в. представления о паннонской (словенской) народной основе первого письменного языка славян (В. Копитарь, Ф. Миклошич).

§ 2. Свв. Кирилл (Константин) и Мефодий. На основании ряда документальных свидетельств – житий Константина и Мефодия, а также их учеников, латиноязычной «Итальянской легенды» об обретении мощей третьего римского папы Климента, нескольких папских посланий по вопросу о допущении и запрещении элементов богослужения на славянском языке, сказания Черноризца Храбра «О письменах» и некоторых других сведений (например, пространныго жития св. Климента Охридского, написанного охридским архиепископом Феофилактом (ум. 1107/1108), называемого иногда «Болгарской легендой»), – реконструируется достаточно достоверная картина создания славянской письменности и первого письменного языка славян Константином-Кириллом и Мефодием.

В 863 г. в столицу Византийской империи – Константинополь – прибыло посольство от великоморавского князя Ростислава. В возникшей в первой половине IX в. Великоморавской державе, одном из первых славянских государств, которое просуществовало с 830 по 906 гг., происходило распространение христианства. Озабоченный тем, что епископы и духовенство оказались орудием немецкой политической экспансии, Ростислав (княжил в 846–870 гг.) просил византийского императора Михаила III (царствовал с 832/840 до 867 г.) направить в Великую Моравию епископа и учителя, которые могли бы осуществлять проповедь христианства на родном для большинства жителей страны славянском языке: *людѣмъ нашимъ поганьства сѧ штврѣгшимъ, и по христіанскѣ сѧ законъ дрѣжащимъ, оучителѧ не имамъ таковаго, иже бы ны въ свои языкъ истоюю вѣроу*

христіанською сказалъ... то послѣ намъ, владыкъ, епископа и оучителя таковаго «хотя люди наши язычество отвергли и держатся закона христіанского, нет у нас такого учителя, чтобы нам на языке нашем изложил правую христіанскую веру... Так пошли нам, владыка, епископа и учителя таковаго», – писал Ростислав (ЖК, гл. 14). Посоветовавшись со своим дядей Вардой, при помощи которого Михаил стал властвовать (трон он занял малолетним, но к власти пришел после отправления в монастырь матери), и патриархом Фотием, Михаил решил направить в Моравию миссию во главе с братьями Константином, по прозванию Философ (ок. 827–14.2.869), и Мефодием (ок. 815–6.4.885).

Константин и Мефодий родились в городе Солуни (ныне – Салоники) в семье крупного византийского чиновника (друнгария) Льва. Некоторые ученые считают, что мать их Мария была славянкой, что, однако, не находит достаточного документального подтверждения. Константин был способным мальчиком. Уже дома он рано научился читать, учил на память книги Григория Богослова (Назианзина), выдающегося византийского теолога и поэта IV в. В судьбе талантливого мальчика принял участие логофет Феоктист, бывший вместе с императрицей Феодорой регентом при малолетнем императоре Михаиле. В Константинополе, куда Константина привезли, он въ •г• мѣсѣци навѣкъ въсю грамотикю, и прочаѣ сѣ гатъ оученіѣ. Наоучи же сѣ Омироу, и геометри, и оу Льва и оу Фотіѣ диалексице, и всѣмъ философскимъ оученіемъ, къ сим же и риторикѣ и арифметикѣ, и астрономіи, и моузикѣ, и всѣмъ прочимъ еллинскимъ оученіемъ – «за три мѣсяца овладел всей грамматикой и за иные взялся науки, научился же и Гомеру, и геометрии, и у Льва, и у Фотия диалектике, и всем философским учениям, а сверх того и риторике, и арифметике, и астрономии, и всем философским учениям, и музыке, и всем прочим эллинским учениям. И так изучил их все, как не изучил ни один из них» (ЖК, гл. 4).

В Константинополе Константин обучался в Магнаурской высшей школе вместе с малолетним императором Михаилом. Возможно, Константин был помощником учителей при царственном ученике. Потом Константин получил должность библиотекаря крупнейшего константинопольского собора св. Софии и патриаршего секретаря и библиотекаря (хартофилакса). Последний пост Константин вскоре (около 850 г.) оставил и занялся преподаванием философии в той же Магнаурской школе. Так и возникло его прозвание Философ. В 855 г., по сообщению Жития Константина, он возглавил византийскую миссию к сарацинам, во время которой вел диспут с мусульманами в защиту христианского учения о Троице.

Мефодий получил домашнее образование и еще в молодости стал воеводой какой-то славянской области Византии. Это дало ему углубленное знание славянского языка и славянских обычаев. После десяти лет административной деятельности Мефодий удалился в монастырь на Олимпе. Возможно, это произошло в связи с дворцовым переворотом в Константинополе. Императрица Феодора была заточена в монастырь, покровительствовавший солунским братьям Феокист, бывший вместе с нею регентом при малолетнем сыне-императоре, был убит. Дядя императора Варда провозгласил Михаила самодержцем и стал фактическим властителем. Константин, вернувшийся от сарацин, нашел убежище в монастыре Полихрон.

В 860 г. Константин и Мефодий были отправлены со сложной государственно-церковной миссией в Хазарский каганат. Это государство тюркоязычных племен граничило с византийскими владениями на северо-восточном побережье Черного и Азовского морей. Мефодий отправился вместе с Константином по просьбе последнего, мотивированной тем, что Мефодий знал славянский язык. Константин и Мефодий сделали остановку в византийской колонии Корсуни (Херсонесе). Здесь, как сообщается в «Житии Константина», он научился еврейской речи и письму, переведя восемь частей грамматики. Это было необходимо, поскольку ха-

зары исповедовали иудаизм. Здесь же Константин нашел и изучил самаритянские (самарянские) книги, написанные потомками древнееврейских племен, смешавшихся с другими семитами и сохранивших в качестве священной книги только Пятикнижие Моисеево.

Загадочно сообщение Жития Константина о том, что **оврѣте же тоу евагеліе и ѱалтирь роуцьскими письмены писано, и человека шврѣтъ глаголюща тою бесѣдою, и бесѣдова с нимъ, и силоу рѣчи примъ, своен бесѣдѣ прикладаа различнаа писмена, гласнаа и согласнаа, и к богу молитвою творѣ, въскорѣ начатъ чести и сказати, и мнози сѣ емоу дивлахоу, бога хвалаще.** «Нашел же здесь (в Корсуни) Евангелие и Псалтырь, написанные русскими письменами, и человека нашел, говорящего на том языке, и беседовал с ним, и понял смысл этой речи, и, сравнив ее со своим языком, различил буквы гласные и согласные, и, творя молитву Богу, вскоре начал читать и излагать (их), и многие удивлялись ему, хваля Бога» (ЖК, гл. 8). Это место в Житии и вызвало немало споров. Невероятным домыслом является представление, что «русские письмена» – это некие письмена восточных славян: ничего бесспорного о развитой системе письма у восточных славян в IX в. неизвестно. В то время восточные славяне еще были язычниками и Священного Писания на их языке не существовало (несколько позже Константин не упоминал славян Причерноморья в своем списке народов, имеющих на своем языке эти тексты, который приведен в Слове против триязычников). Термин *русский* именно в таком виде внесен был, вероятно, позднейшими переписчиками, так как в IX в. такое название было неупотребительно. Возможно, речь идет о готских письменах; готская письменность была создана готским епископом Ульфилой в IV в., а в Крыму готы жили с III в. В связи с этим предлагают читать этническое название (в некоторых рукописях *рүшкіе*) как *фрүшкіе*, то есть «фряжские,

франкские». По другому предположению, вместо **рꙋскіѣ** тут следует читать **сѵрскіѣ**, то есть «сирийские» письма.

Константин сделал в Корсуни еще одно важное дело. Здесь в свое время выступал с проповедями Андрей Первозванный, а затем ученик апостола Петра, третий римский епископ (папа) Климент. Он погиб здесь мученической смертью в 101 г. Константин из расспросов местных жителей узнал о том, что в Корсуни еще сохраняются его останки: **слышавъ же, како свѣтлыи климентъ еще въ мори лежитъ** (ЖК, гл. 8; ср. также в «Итальянской легенде», гл. 2–3). 30 января 861 г. вместе с тамошним митрополитом Григорием и духовенством с молитвой отправился Константин на ладье на поиски мощей блаженного Климента, на месте захоронения которого была построена церковь (или он был захоронен в церкви), находившаяся в IX в. на полузатопляемом месте (возможно, на островке). Мощи св. Климента удалось найти, и они были вывезены Константином.

В «Житии Константина» довольно подробно рассказано о диспуте его с иудеями и большей частью принявшими иудейскую религию хазарским каганом и его приближенными. Сообщается, что в результате бесед двести хазар крестились, а двадцать византийских пленников хазары отпустили с Константином и Мефодием в Константинополь. Через некоторое время после хазарской миссии Константин и Мефодий и были направлены с новой миссией – в Моравию.

В ответ на просьбу послов великоморавского князя Ростислава император вызвал Константина и сказал: **филосоѣ, вѣмь тѣ троѹдна соѹща, но достоить тебѣ тамо ити. Сіа бо рѣчи не можетъ инъ никтоже исправити, какоже ты.** «Философ, знаю, что ты утомлен (болен?), но подобает тебе туда идти, ибо дела этого никто совершить не может, только ты» (ЖК, гл. 14). Выслушав приказ императора, Константин отвечал: **и троѹденъ сы тѣломъ и боленъ, радъ идоѹ тамо, аще имоутъ боѹкви въ языкъ свои. и рече царь къ нему: дѣдъ**

мои, и штыць мои, и инни мнози, искавшє того не обрѣли соуть. «Тело мое утомлено, и я болен, но пойду туда с радостью, если есть у них буквы для их языка. И сказал цесарь ему: Дед мой, и отец мой, и иные многие искали и не обрели, как же я могу их обрести?» (ЖК, гл. 14). Таким образом, перед Константином возникла задача не просто проповеди в Моравии новообращенным христианам, но гораздо более сложная: надо было создать письменность и в процессе практического перевода Священного Писания на славянский язык разработать первый литературный язык славян. И Ростислав, и константинопольские руководители, и сам Константин не без оснований полагали, что в ту пору язык славян в византийских регионах Македонии, Болгарии и Великой Моравии мог рассматриваться как единый, а следовательно письменные тексты на новом литературном языке будут понятны всем славянам. В «Житии Константина» рассказывается, что после совещания у императора Михаила *шедь же философъ, по пръвомоу обычаю, на молитвоу сѧ наложи и съ инѣми съпоспѣшники. вскорѣ же се емоу богъ гави, послоушаати молитвы рабъ своихъ. и тогда сложи писмена и нача бесѣдоу писати евангельскою: искони бѣ слово и слово бѣ оу бога, и богъ бѣ слово, и прочѧ.* «Пошел же Философ по старому обычаю на молитву и с иными помощниками. И вскоре открыл ему *их* Бог, что внимает молитвам рабов своих, и тогда сложил писмена, и начал писать слова Евангелия: “Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог” и прочее» (ЖК, гл. 14). Таким образом, еще до убытия в Моравию Константин создал славянскую письменность и начал работу по переводу с греческого на славянский неделимого Евангелия (Апракоса), а возможно, подготовил на славянском языке краткий Апракос. В Великую Моравию вместе с Константином отправился и брат Мефодий.

В Моравии братья были приняты **с великою честью**; они получили от князя Ростислава много учеников и вели свою рабо-

ту по их обучению и по переводу на славянский всего Священного Писания и богослужебной литературы: **въскорѣ же сѧ весь црѣковный чинъ прѣложи, и наоучїи а оутрени, и годинамъ обѣднѣи, и вечернїи, и павечерници, и тайнѣи слоужбѣ. и ѡтверзошасѧ, по пророчьскомоу словеси, оуши глоухыхъ оуслышати книжнага словеса, и гызыкъ гаснѣ бысть гоугнивымъ.** «И вскоре перевел весь церковный чин и научил их и утрене, и часам обедни, и вечерни, и повечерию, и тайной молитве. И отверзлись, по пророческому слову (Ис., 35.5, 32.4), уши глухих, чтобы услышали слова книжные, и ясна стала речь косноязычных» (ЖК, гл. 15). Подготовив учеников, Константин и Мефодий столкнулись с трудностями: поскольку ни один из них не был епископом, они не могли рукополагать священников, а немецкие епископы, видя в славянских священниках и в славянском богослужении конкуренцию, отнюдь не собирались присваивать сан священника славянским ученикам Константина и Мефодия. В Моравии был, как уже сказано, осуществлен перевод основного корпуса Священного Писания (Евангелие, Апостол, Псалтырь, Паримейник) и богослужебных книг и переписаны их копии. После трех или четырех лет пребывания в Моравии Константин и Мефодий решили отправиться за поддержкой к константинопольскому патриарху или к римскому папе; в ту пору еще не произошел разрыв между Римской и Константинопольской церковью, а Великая Моравия была в церковном плане подчинена Риму. Возможно, славянские первоучители были приглашены в Рим папой Николаем I, прослышавшим, что у солунских братьев есть мощи св. Климента, которого они считали покровителем своей миссии, или же вызваны папой в связи с доносами немецкого духовенства.

По дороге в Рим славянские первоучители остановились в Паннонском (словенском) княжестве в районе Болотного озера (ныне Балатон, Венгрия). Константин показал славянские книги тамошнему князю Коцелу, который **възлюбїи вельми словень-**

скы боукви, и наоучи сѧ имъ, и въдавъ до пяти десѧтъ оученикъ оучити сѧ имъ. И великоу емоу честь створи мимо проводѧ и «очень возлюбил славянские буквы и научился им и дал (ему) до пятидесяти учеников, чтобы научились им, и великую ему честь оказал, и проводил его дальше» (ЖК, гл. 15).

Следующую крупную остановку солунские братья сделали в Венеции. Здесь собрались противники богослужения на славянском языке, утверждавшие, что книжное слово, т. е. вероучение допустимо лишь на трех языках: латинском, греческом и древнееврейском. На этих языках римский прокуратор Иудеи Понтий Пилат велел сделать надпись на кресте, на котором был распят Христос. Поэтому сторонников этой доктрины называли триязычниками или пилатниками. Константина его противники спросили, как он дерзнул сложить славянские письмена, которых раньше не обрели ни апостол, ни папа римский, ни Григорий Богослов, ни Иероним, ни Августин. Мы знаем, говорили триязычники, лишь три языка, на которых подобает Бога с помощью письмен славить; еврейский, греческий и латинский. Отвечал же им Философ: **НЕ ИДЕТ ЛИ ДОЖДЬ УТ БОГА РАВНО НА ВСѧ, ИЛИ СОЛНЦЕ ТАКОЖДЕ НЕ СИГАЕТ ЛИ НА ВСѧ, НИ ЛИ ДЫХАЕМЪ НА АЕРЪ РАВНО ВСИ; ТО КАКО ВЫ Сѧ НЕ СТЫДИТЕ ТРИ ЯЗЫКИ ТОКМО МНАЩЕ, А ПРОЧИМЪ ВСѢМЪ ЯЗЫКОМЪ И ПЛЕМЕНОМЪ СЛѢПЫМЪ ВЕЩЕ БЫТИ И ГЛОУХЫМЪ; СКАЖИТЕ МИ, БОГА ТВОРАЩЕ НЕМОЩНА ТАКО НЕ МОГОУЩА СЕГО ДАТИ, ИЛИ ЗАВИСТЛИВА НЕ ХОТАЩЕ ДАТИ; МЫ ЖЕ МНОГЫ РОДЫ ЗНАЕМЪ КНИГЫ ОУМѢЮЩА И БОГОУ СЛАВОУ ВЪЗДАЮЩА СВОИМЪ ЯЗЫКОМЪ КОЖДО. ГВѢ ЖЕ СОУТЬ СИ АРМЕНИ, ПЕРСИ, АВАЗЪГИ, ИВЕРИИ, СОУГДИ, ГОТЬѢИ, ОБРИ, ТОУРСИИ, КОЗАРИ, АРАВЛАНИ, ЕГУПТАНИ, СОНРИ, И НИИИ МНОЗИ АЩЕ ЛИ НЕ ХОЩЕТЕ УТ СИХЪ РАЗОУМѢТИ, ПОНЕ УТ КНИГЪ ПОЗНАИТЕ СОУДИЮ. ДОВ(Ы)ДЪ БО ВОПИЕТЪ ГЛАГОЛА: ПОИТЕ ГОСПОДЕВИ, ВСѧ ЗЕМЛА, ПОИТЕ ГОСПОДЕВИ ПѢСНЬ НОВОУ. И ПАКЫ: ВЪСКЛИКНЕТЕ ГОСПОДЕВИ, ВСѧ ЗЕМЛА,**

ПОИТЕ И ВЪЗВЕСЕЛИТЕ СѦ И ВЪСПОИТЕ. «Не идет ли дождь от Бога равно на всех, не сияет ли для всех солнце, не равно ли все мы вдыхаем воздух? Как же вы не стыдитесь лишь три языка признавать, а прочим всем народам и племенам велите быть слепыми и глухими? Скажите мне, зачем делаете Бога немощным, как если бы не мог дать (народам своего письма) или завистливым, как если бы не хотел дать? Мы же знаем многие народы, что владеют искусством письма и воздают хвалу Богу каждый, на своем языке. Известно, что таковы: армяне, персы, абхазы, грузины, согдийцы, готы, авары, турки, хазары, арабы, египтяне, сирійцы и иные многие. Если этого понять не хотите, то пусть вам будут судьей (слова) Книг (Писания). Давид ведь вопиет, говоря: „Пойте Господу, вся земля, пойте Господу песнь новую» (ЖК, гл. 16). Далее приводится еще подбор библейских цитат, подтверждающих необходимость распространения Слова Божьего. Цитируя Евангелие, Константин восклицал: **ГОРЕ ВАМЪ, КНИГЪЧИГА (И) ФАРИСИ ЛИЦЕМЪРИИ, ТАКО ЗАТВОРАЕТЕ ЦЪСАРСТВО НЕБЕСНОЕ ПРѢД ЧЛОВЪКИ. ВЫ БО НЕ ВХОДИТЕ, И ХОТѦЩИХЪ ВНИТИ НЕ УСТАВЛАЕТЕ• И ПАКЫ. ГОРЕ ВАМЪ, КНИГЧИГА, ТАКО ВЪАСТЕ КЛЮЧЬ РАЗОУМЪНИА, САМИ НЕ ВНИДОСТЕ, И ХОТѦЩИМЪ ВЪНИТИ ВЪЗБРАНИТЕ.** «Горе вам, книжники, фарисеи-лицемеры, что затворяете перед людьми царство небесное, ибо вы (сами) не входите и хотящих войти не впускаете» (Мф. 23.13). И снова: «Горе вам, книжники, что взяли (себе) ключ к познанию. Сами не входите и хотящим войти возбраняете» (Лк. 11.52). Константин призывал: **НЕ БРАНИТЕ ГЛАГОЛАТИ ЯЗЫКЫ** «не запрещайте говорить языками». Завершил свою речь Константин словами апостола Павла: **ВЪСАКЪ ЯЗЫКЪ ИСПОВѢСТЪ ТАКО ГОСПОДЬ ИИСУС ХРИСТОСЪ ВЪ СЛОВОУ БОГОУ ОТЬЦОУ, АМИНЬ.** «И каждый народ исповедал, что Господь Иисус Христос во славу Бога Отца (Флп. 2.11)». Своей яркой и страстной речью Константин посрамил трезычников и тем самым подготовил благосклонный прием в Риме.

Между тем обостряются отношения между Римом и Византией. Папа Николай I отлучил византийского патриарха Фотия от церкви. Из Константинополя тоже пришли тревожные сообщения: 23 сентября 867 г. был убит император Михаил III, патриархом вместо Фотия снова стал его заклятый враг Игнатий, из-за которого, возможно, Константин в 850 г. ушел с поста патриаршего секретаря. Возвращение в Константинополь потеряло для солунских братьев смысл и стало опасным. В то время в Риме умирает папа Николай I и папский престол 14 декабря 867 г. занимает Адриан II. Константин и Мефодий со своими наиболее способными учениками, достойными в будущем получить сан епископа («Итальянская легенда»), отправляются в Рим.

Когда Константин с Мефодием прибыли в Рим, неся с собою мощи св. Климента, народ встретил Константина с почетом: и дошедшоу емоу рима, изиде самъ апостоликъ адрианъ противоу немоу съ всѣми гражданы, (и) свѣща несоуще, оувѣдѣвше тако несеть мощи свѣтаго климента мученика и папежа римскаго. И тогда богъ чудеса нача творити. ослабленъ же человекъ тоу исцѣлѣ, а ини мнози различныхъ недуговъ избыша... «Когда дошел он (Константин) до Рима, вышел сам апостолик Адриан II навстречу ему со всеми горожанами, неся свечи, ибо узнали, что несет мощи святого Климента, мученика и папы римского. И тогда Бог начал творить чудеса: расслабленный человек здесь исцелился, а иные многие избавились от разных недугов...» (ЖК, гл. 17). Примъ же папежь книги словѣнскыа освати и положи ѿ въ церкви свѣтыа Маріа, таже сѿ наричетъ фантъ, пѣша же с ними литоургию. «Приняв славянские книги, папа освятил их и положил в церкви св. Марии, что называется Фатне. Пели же над ними литургию» (ЖК, гл. 17). Папа поручает епископам Гаудериху Веллетрийскому и триязычнику Формозе рукоположить учеников Константина и Мефодия в священники, и тако ѿ свѣтиша, тогда пѣша литоургию въ цркви свѣтаго Петра словѣн-

СКЫМЪ ЯЗЫКМЪ И ТАКО А СВѢТИША; «И когда посвятили их, тогда пели (они) литургию на славянском языке в церкви (соборе) святого Петра» (ЖК, гл. 17). Потом славянская литургия пелась и в других римских церквах. Константин провел еще диспут с неким иудеем о времени второго пришествия Христа (сложные хронологические вычисления Константин проводил еще в Константинополе в связи с прочтением надписи на чаше Соломона, хранившейся в храме св. Софии, о чем рассказывается в «Житии Константина» (ЖК, гл. 13). Осенью 868 г. болезнь Константина обострилась. Братья, видимо, вновь обсуждали проблему своего возвращения на родину, в Византию. В декабре Константин увидел Божье явление и решил принять иноческий сан, избрав себе имя Кирилл. Просветленный после мучительной болезни, он воскликнул: **ѠТСЕЛѢ НѢСМЪ АЗЪ НИ ЦАРЮ СЛОУГА, НИ ИНОМОУ НИКОМОУЖЕ НА ЗЕМЛИ, НО ТОКМО БОГОУ ВЪСЕДРЪЖИТЕЛЮ И БѢХЪ И ЕСМЪ ВЪ ВѢКЫ, АМИНЬ.** «Теперь я не слуга ни цесарю, ни кому другому на земле, только Богу Вседержителю был и буду во веки. Аминь» (ЖК, гл. 18). Далее здесь приводится текст прощальной молитвы Константина-Кирилла. Обращаясь к брату, Кирилл сказал: **Се, брате, бѢ соупроуга вѡховѢ, ѡдиноу враздоу тѡжаца и азъ на лѢсѢ [возможно: селѢ] падаю, свои днь съконьчавѢ, а ты любиши гороу вельми, не мози горы ради ѡставити оученика своѡго. Паче бо можеши кымь спасен быти.** «Вот, брат, были мы с тобой парой в одной упряжке и пахали одну (и ту же) борозду, и я на поле падаю, окончив день свой. Ты же очень возлюбил гору (Олимп), но не смей ради горы оставить учительство свое, ибо чем иным можешь ты лучше достичь спасения?» (ЖМ, гл. 7).

На пятидесятый день после принятия монашества, 14 февраля 869 г., в возрасте 42 лет Кирилл умер. Как сообщается в «Итальянской легенде», похоронить Константина-Кирилла решили в церкви св. Климента рядом с доставленными им мощами святого. «Папа приказал, чтобы все греческие и римские священ-

ники явились на его погребение с псалмопением и церковными песнями, со свечами и кадением фимиама и чтобы покойнику были отданы такие погребальные почести, какие отдаются только папе» (Percepit autem sanctus apostolicus ut omnes tam greci quam romani clerici ad exequias eius occurrerent cum psalmis et canticis, cum cereis et thymamatibus, et non aliter ei quam ipsi quoque apostolico funeris honorem impenderent. («Legenda italica». Vita cum translatione S. Clementis, cap. X). «Так завершился первый героический этап славной эпопеи, – писал выдающийся русский славист советского времени С.Б.Бернштейн. – Ушла из жизни одна из замечательных личностей европейского средневековья – личность могучего духа, редкой храбрости, непреклонной воли, высоких принципов, скромности, необыкновенного трудолюбия» [Бернштейн 1984].

Смерть выдающегося просветителя славянства нанесла существенный урон делу развития славянской письменности. Но Мефодий, быть может менее блестящий ученый и полиглот, был тоже выдающейся личностью – прекрасным организатором, смелым, трудолюбивым, твердым в своих убеждениях человеком. По-видимому, Мефодий владел славянским языком лучше младшего брата. Ему предстояло продолжить совместное дело, и он в течение пятнадцати с лишним лет осуществлял свою миссию вдали от родины во имя Божье, несмотря на гонения, которым он подвергался со стороны местных административных и церковных властей.

По просьбе паннонского князя Коцела папа в 869 г. направил к нему Мефодия, снабдив его посланиями к Коцелу, к великоморавскому князю Ростиславу и его племяннику нитранскому князю Святополку. В послании, между прочим, впервые Константин Философ назван блаженным (**блаженаго философа констатина и съ братъмь** / *beatum philosophum Constantinum cum fratre*: «(Михаил послал) блаженного Константина Философа с братом»). Адриан II рекомендовал, **да на мыши пьрвѣкъ чьто-**

УТЬ АПОСТОЛЪ И ЕВАНГЕЛИКЪ РИМСКЪ, ТАЧЕ СЛОВѢНСКЪ, ДА СѦ ИСПЪЛНИТЬ КНИЖНОЕ СЛОВО, ТАКО ВЪСХВАЛАТЬ ГОСПОДА ВЪСИ ЯЗЫЦИ («чтобы во время мессы читали Апостол и Евангелие сначала по-латыни, а потом по-славянски, чтобы исполнилось изречение Священного Писания: «Хвалите Господа, все народы» (Пс. 117,1) (ЖМ, гл. 8). В тексте этого послания, приведенном в «Житии Мефодия», подчеркнуто, что Константин-Кирилл и Мефодий обеспечили возможность изложения вероучения на славянском языке. Адриан II, однако, не возвел Мефодия в епископский сан, что вызвало трудности в связи с сопротивлением немецкого духовенства. Поэтому Коцел снова посылал Мефодия к апостолику, и в конце 869 или в 870 г. он был возведен в епископский сан и получил должность архиепископа.

Мефодий и его ученики вели большую просветительную деятельность среди славян Паннонии. В сочинении «Обращение баварцев и каринтийцев» анонимный автор сообщает, что Рихвальд, назначенный зальцбургским архиепископом в качестве архипресвитера Паннонии, успешно исправлял свою службу, «пока некий грек по имени Мефодий не изобрел славянские буквы и стал философски подрывать латинский язык и учение римской церкви и почтенные латинские книги и при всем народе пренебрегал мессами, евангельскими чтениями и церковными службами тех, кто вел их по-латыни» (*usque dim quidam Graecus Methodius nomine noviter inventis Sclavinis litteris linguam Latinam doctrinamque Romanum atque litteras auctoriales Latinas philosophice superducens vilescere fecit cuncto populo ex parte missas et euangelia ecclesiasticumque officium illorum qui hoc Latine celebraverunt. – Conversio Vagoariorum et Carantanorum, cap. 12 (см. FL)).*

Между тем племянник великоморавского князя Ростислава нитранский князь Святополк предал своего дядю и, став вассалом восточно-франкского короля Людовика Немца (Немецкого), с помощью франкских войск занял его престол. Ростислава и Мефодия схватили и отправили в Баварию. В конце 870 г. Ростислав был ослеплен и отправлен в какой-то монастырь, где и находился

до самой смерти, а Мефодия баварские епископы осудили на пожизненное заточение в Эльвангенском монастыре в Швабии, обвинив его в присвоении церковной власти на подчиненных им территориях (хотя Мефодий утверждал, что узурпировали власть, напротив, баварские епископы). Видя в Святополке потенциального противника, старший сын франкского короля Карломан в 871 г. бросил его в тюрьму. Это вызвало сопротивление моравян во главе со Славомиром; Святополк пришлось освободить.

В 872 г. умер папа Адриан II, и на его место вступил Иоанн VIII. Мефодию удалось через какого-то монаха Лазаря передать папе весточку о своем заточении. Тогда же Святополк, добившийся самостоятельности державы, обратился к Риму с просьбой о возвращении Мефодия в Моравию. В конце 872 – начале 873 г. Иоанн VIII обращается к зальцбургскому архиепископу Адальвину с призывом освободить Мефодия и вернуть его к исполнению архиепископских обязанностей. С аналогичным требованием обращается Иоанн VIII к Карломану: «Пусть сможет наш брат Мефодий... свободно отправлять свою епископскую миссию». Фрейзингскому епископу Анону папа пишет: «Твое бесстыдство и сверхдерзкость достигают не только облаков, но и самих небес... Со своим братом Мефодием, паннонским архиепископом, который выполняет среди язычников миссию апостольского престола, ты обращался скорее по-тирански, чем по канонам». В результате немецким церковникам пришлось выпустить Мефодия, и он со своими учениками продолжил деятельность в качестве моравского архиепископа.

Деятельность Мефодия протекала отнюдь не гладко. Святополк, человек грубый и невежественный, был противником славянской литургии (богослужения), но и Иоанн VIII поддержал Мефодия в основном ради укрепления папского авторитета, а совсем не из-за того, что он был активным сторонником славянского языка. В 879 г. Иоанн VIII в послании Мефодию упрекает его: «Мы слышали, что ты поешь обедню на варварском (славянском) языке. В нашем послании... мы тебе указали, чтобы литургиче-

ские таинства ты не осуществлял на этом языке, а на латинском или греческом... Проповедовать можешь или перед народом выступать, как говорится в псалме...». По доносу о том, будто бы Мефодий допускает извращение основ христианского вероучения, он в 880 г. был вызван в Рим. Однако здесь Мефодий одержал победу. Иоанн VIII вынужден был в июне 880 г. написать Святополку, как пересказано в «Житии Мефодия»: **братъ нашъ меѳодии свѣтъи и правовѣренъ и апостольско дѣлание дѣлаетъ**: «Брат наш Мефодий свят и правоверен и апостольское дело делает» (ЖМ, гл. 12). В этом послании говорилось: «Воистину одобряем славянские письмена, которые изобрел Константин Философ... Указываем, чтобы на этом языке произносились молитвы и раскрывалось дело нашего Господа Христа... Указываем, чтобы во всех церквах вашей страны... читали евангелие полатыни, а потом пусть звучит славянский перевод для ушей народа, который не понимает латинских слов, как, кажется, и происходит в некоторых церквах. Если же тебе и твоим придворным хочется слушать службу на латинском языке, рекомендуем, пусть ведется служба по-латыни».

К счастью, трудолюбивому и твердому Мефодию удавалось не только вести борьбу с немецким духовенством, с государственной властью и с сомнениями римского папы, но и обучать новых учеников, переводить новые тексты на славянский язык, тем самым совершенствуя его, и создавать на нем новые произведения, в том числе, видимо, проповеди и сборник законов («Закон судный людям»). Деятельность Мефодия продолжалась до самой его смерти. Он скончался на третий день Вербницы 6 апреля 885 г. и был похоронен при большом стечении народа в одной из моравских церквей; служба по покойнику была совершена полатыни, по-гречески и по-славянски. Город, где был похоронен Мефодий, не назван в источниках. Предполагают, что это был Велеград, но высказываются и другие соображения. Главный памятник Мефодию, как и Константину, – не надгробный камень, не мощи, а их дело: создание славянской письменности и первого

литературно-письменного языка славян. Это дело имеет непреходящее значение.

Перед смертью Мефодия спросили, кто достоин быть его преемником. Показа же имъ єдино҃го шть извѣстныхъ оученикъ своихъ нарицаема҃го горазда, глагола, съ єсть ваша земля свободъ мужь, оучень же добръ въ латинскыя книги, правовѣрнъ. «Показал же им на одного из самых известных учеников своих, по имени Горазд, говоря: «Вот из вашей земли свободный муж, хорошо знает латинские книги, правоверен» (ЖМ, гл. 17). Однако еще за несколько лет до смерти Мефодия, в 882 г., был отравлен энергичный папа Иоанн VIII, который, хотя и не всегда последовательно, признавал славянское богослужение и славянское письмо. Преемники его, Марин I (882–884) и Адриан III (884–885), славянскими вопросами не занимались. Вскоре после смерти Мефодия в августе-сентябре 885 г. папой стал Стефан V (885–891). Он был противником славянского богослужения. Еще до его интронизации в Рим прибыл злейший враг славянского богослужения нитранский епископ Вихинг с очередной кляззой на Мефодия: что тот якобы ведет церковную службу на славянском языке вопреки запрету Иоанна VIII.

Римский престол был, видимо, встревожен тем, что вновь избранный в 877 г. константинопольским патриархом Фотий устанавливал какие-то связи с Мефодием (по данным «Жития Мефодия», последний даже предпринял около 880 г. поездку на родину, что, однако, не вполне достоверно). Стефан V хотел также поддержки со стороны немецких королей (в частности, короля Каринтии Арнульфа) в междоусобной борьбе в Италии. Мог Стефан знать и о том, что Святополк не был сторонником славянского богослужения, а потому не станет его отстаивать. Основываясь на всем этом, Стефан V категорически запретил славянское богослужение. Папа не остановился при этом перед прямой ложью, утверждая в инструкции группе римских священников во

главе с епископом Домиником, направленных к славянам для принятия мер: «Мессу и святые отправления, которые Мефодий дерзал совершать на славянском языке, хотя во времена моего предшественника, святого папы господина Иоанна, обещал, что не будет более этого дерзать, апостольской властью полностью запрещаю. Если вдруг найдется кто, знающий хорошо язык славян, чтобы был способен после святого евангельского и апостольского чтения дать его изложение для духовной пользы тех, кто не понимает, то, конечно, похвали, разреши и подтверди» (статья 12). Иоанн VIII позволял читать Евангелие в славянском переводе, признавая тем самым славянское письмо. Стефан V разрешает лишь пояснения по-славянски, но отрицает значимость славянского письма и клеветает на покойного Мефодия. Стефан V пишет в той же инструкции: «Наследнику, которого Мефодий дерзнул поставить наперекор решению всех святых отцов, нашей апостольской властью запретите отправление службы» (статья 14). Вместо славянина Горазда Стефан V назначает архиепископом яркого противника славянского богослужения Вихинга, одного из главных организаторов гонений на Мефодия и его заточения в 873 г. В послании Святополку в конце 885 г. папа спешит подтвердить: «Пусть отныне никто не смеет дерзать совершать божественные отправления, святую мессу и таинства на славянском языке, как дерзнул этот Мефодий... Пусть извращения, которые высказывал из презрения к вселенской вере, падут на его (Мефодия) голову». Так расправились противники славянского просвещения с одним из первоапостолов славянства после его смерти.

Святополк приказал изгнать учеников Кирилла и Мефодия из Великой Моравии. Горазд и Климент пытались увещевать развратного и грубого князя, но безуспешно. Вихинг продал евреям-работоторговцам около двухсот молодых диаконов и священников, не пожелавших отказаться от славянского богослужения. По сообщению «Жития Климента Охридского», написанного по-гречески византийским епископом Болгарии Феофилактом зна-

чительно позже (около 1100 г.), византийский посол выкупил этих рабов на невольничьем рынке в Венеции. Горазд, видимо, был убит вскоре после объявления папского послания, не без участия Святополка, боявшегося, что этот славянин сумеет переубедить папу римского, как это удавалось Мефодию.

Однако полностью ликвидировать славянское богослужение и письменность в Великой Моравии удалось не сразу. Косвенно об этом свидетельствует тот факт, что преемнику Стефана V, папе Иоанну IX, пришлось, продолжая политику своего предшественника, в конце IX в. отправить в качестве своих легатов в Моравию архиепископа Иоанна и двух епископов (что давало возможность на месте провозглашать епископов). Это, конечно, было важным шагом к полной латинизации моравской церкви. Дни Великоморавской державы были сочтены: в 906 г. она была завоевана венграми. Но в чешских землях славянская письменность продолжала существовать. В X в. здесь были созданы связанные со старославянской традицией жития святых Вацлава и Людмилы. Вплоть до 1097 г. в Сазавском монастыре богослужение проводилось на славянском языке.

Ученики Константина и Мефодия – Климент, Наум, Ангеларий – были изгнаны: наемные солдаты-франки вывели Климента, Наума и Ангелария за пределы моравской столицы, раздели и нагими тащили по земле, покалывая им шеи мечами, а затем бросили в поле. Изгнанники с трудом добрались до Дуная и на связанном ими плоту спустились до Белграда, входившего тогда в состав Болгарского царства. Ангеларий после тяжелых испытаний вскоре скончался.

Климент и Наум были спутниками Константина и Мефодия в их моравской миссии. После смерти они были признаны святыми, и о них составлены жития. В Болгарском царстве изгнанники были приняты с почетом. Болгары к тому времени приняли крещение (864), но церковь не имела самостоятельности и находилась в зависимости от Византии и Константинопольской патриархии. Болгарский князь Борис I (царствовал в 852–889 гг.), бе-

зусловно, знал о славянских азбуках и славянском богослужении, введенном Константином и Мефодием. Появление в его стране высокообразованных деятелей славянской церкви Борис использовал для подготовки будущих дьяконов и священников, которые знали бы славянский язык и славянское письмо. Климент был поселен недалеко от оз. Охрид (ныне Македония), откуда получил прозвание Охридский, и начал учительскую деятельность. Вместе с тем он продолжал переводческую работу своего учителя и организовал переписку славянских книг. В распространении славянской письменности у южных славян он сыграл выдающуюся роль. За несколько лет им было подготовлено 3500 учеников.

После ухода Бориса I в монастырь в 889 г. престол занял его сын Владимир-Расате (889 – 893 гг.). Его внешнеполитическая деятельность включала продолжение союза с папским престолом, с франкским королем Арнульфом против Святополка и, видимо, в какой-то мере и против Византии. Борьба с византийским церковным влиянием в стране приняла у Владимира-Расате форму попытки возрождения язычества. Были подвергнуты гонениям церковные деятели, связанные с Византией, но языческая реакция не получила широкой поддержки. Борис в 893 г. вышел из монастыря, снова надел воинское облачение, сверг Владимира-Расате, который был ослеплен и брошен в тюрьму. Соборный в Преславе (Восточная Болгария) собор постановил объявить болгарским властителем третьего сына Бориса – Симеона (князь – до 917 г., когда был объявлен царем, ум. в 927 г.), незадолго до этого освобожденного от монашеского обета, а также перенести столицу из языческой Плиски в Преслав. Борис (христианское имя – Михаил) снова вернулся в монастырь, где умер в 907 г. Симеон назначил Климента епископом, первым епископом, ведшим богослужение на славянском языке, который к тому времени был родным языком большинства населения Болгарской державы. Умер Климент Охридский в 916 г. Учительские дела после назначения Климента епископом взял на себя Наум (ум. в 910 г.).

В Преславе выдающуюся роль в развитии славянской письменности и литературы сыграл один из младших учеников Мефодия – Константин, прозванный Преславским. В 894 г. Константин был назначен епископом. Это был не только блестящий организатор, но и поэт, вероятно, первый славянский поэт. Константину принадлежит так называемая «Азбучная молитва», в которой немало ярких поэтических образов и наблюдается четкий ритм, характерный и для другого поэтического произведения старославянской литературы – «Прогласа» к Евангелию. «Проглас» некоторое время считали произведением Константина Философа, но в настоящее время большинство специалистов склоняются к авторству Константина Преславского. Константин Преславский сочинил также службу своему учителю Мефодию, перевел ряд не переведенных до него греческих текстов, в том числе исторического содержания, составил ряд сборников.

Климент Охридский, Константин Преславский и пресвитер Наум – наиболее выдающиеся деятели так называемого «золотого века» славянской письменности при болгарском царе Симеоне.

В конце IX – начале X вв. центр развития славянской письменности, литературной и переводческой деятельности, просвещения переместился из Великой Моравии в Болгарскую державу. Начатое в период двадцатилетней деятельности солунских братьев в Великой Моравии и Паннонии дело формирования первого славянского литературного языка, распространения славянской письменности в этот период приобрело благодаря покровительству светской власти и относительной независимости церкви широкий размах. Это было связано в определенной мере и с тем, что в составе Болгарской державы в течение не очень продолжительного времени оказались представители ряда южных славянских народов. Для них славянская письменность сохранила свое значение как фактор, объединяющий каждый из южнославянских народов и в последующий период, когда на юге Балкан вновь стала господствовать византийская церковь, и еще позже, когда Балканы попали под власть мусульманской Османской империи.

Значение деятельности Константина-Кирилла и Мефодия состояло в создании славянской азбуки, разработке первого славянского литературно-письменного языка, выработке определенных принципов перевода на этот язык с развитого литературного (греческого) языка, формировании основ создания текстов на славянском литературно-письменном языке. В этом плане кирилло-мефодиевские традиции не только были важнейшим фундаментом литературно-письменных языков южных славян, а также славян Великоморавской державы, но и оказали глубокое влияние на формирование литературно-письменного языка и текстов на нем в Древней Руси, а также его потомков – русского, украинского и белорусского языков. Поскольку имеются сведения о попытках введения славянского богослужения на территории Польши, можно говорить и о проникновении кирилло-мефодиевской традиции в польский язык. Опосредованно кирилло-мефодиевские традиции в области лексики отразились в серболужицком и даже в полабском языке. Таким образом, деятельность Константина-Кирилла и Мефодия имела общеславянское значение.

§ 3. Славянские азбуки. Деятельность Константина-Кирилла и Мефодия по разработке славянской письменности, осуществлению первых переводов на славянский язык, созданию на нем первых оригинальных текстов, т. е. по формированию первого литературного языка славян, протекала в 60–80-х гг. IX в. Древнейшие недатированные письменные памятники на славянском языке относятся ко второй половине X – первой половине XI в. Если и рассматривать особо латино-письменные Фрейзингские отрывки, то тем не менее надо констатировать, что дошедшие до нас древнейшие славянские письменные памятники выполнены двумя значительно различающимися азбуками – глаголицей и кириллицей.

Какая из славянских азбук была изобретена раньше, какую из них изобрел Константин, кто изобрел другую азбуку и когда – эти вопросы занимали славистов в течение всего XIX и двух пер-

вых третей XX в. До сих пор еще имеются на этот счет спорные моменты, нет абсолютно единодушных решений. Тем не менее можно считать, что ряд положений, связанных с соотношением славянских азбук в древности, в настоящее время решен с довольно высокой степенью достоверности.

Во-первых, не вызывает возражений тезис о том, что Константин Философ изобрел славянскую азбуку. Это положение в источниках неоднократно повторяется: **и тогда сложи письменна** «и тогда сложил письменна» (ЖК, гл. 14), и **авиѣ оустривь письменна** «и тот (Философ), быстро создав письменна» (ЖМ, гл. 5), и **сътвори имъ ѿ писмена и осмь** «и создал (Константин) для них (славян) тридцать письмен и восемь» («О письменнах» Черноризца Храбра (далее – Хр.), гл. 3) и т.д.

Во-вторых, с высокой вероятностью можно утверждать, что до Константина-Кирилла у славян не было развитой системы письма. На это прямо указывается в «Житии Константина» (гл. 14). Когда Философ сказал, что готов пойти к моравским славянам для осуществления порученного ему дела (согласно Житию, моравский князь Ростислав просил послать такого учителя и епископа, **иже бы ны въ свои языкъ истю върхъ христіанскю сказалъ** «чтобы нам на языке нашем изложил правую христианскую веру»), **аще имѣтъ бѣкви въ языкъ свои** «если у них есть буквы для их языка», в ответ сказал цесарь ему: **дѣдъ мой и отецъ мой и инѣ мнози, искавшѣ того, не обрѣли сѣтъ, то како азъ могѣ обрѣсти**: «Дед мой и отец мой, и иные многие искали их и не обрели, как же я могу обрести». В сочинении Черноризца Храбра «О письменнах» (Хр., гл. 1 и 2), написанном, видимо, в период «золотого века» славянской письменности в Болгарии кем-то из учеников Константина-Кирилла и Мефодия или учеником их учеников, сообщается, что в бытность язычниками славяне **чрътами и рѣзами чьтѣхъ и гатахъ** «(с)читали и гадали (?) чертами и резами», имели мнемотехнические средства предписьменности, а после крещения пользовались

неустроенными, т. е. неприспособленными, средствами греческого и латинского письма. До нас не дошли славянские тексты докирилловского времени, записанные, а точнее – затранскрибированные таким способом. Если они и были, то это были не системы письма, а отдельные попытки применения чужого письма к славянской речи. Поэтому предположения ученых, наиболее ярко выраженные в трудах болгарского академика Э. Георгиева о существовании у славян системы письма до Константина-Кирилла, остаются недоказанными гипотезами. Неприемлемы и соображения тех ученых, которые видели в «русских письменах», упоминаемых в «Житии Константина Философа» в связи с его пребыванием в Корсуни (Херсонесе), действительно «русские», т. е. восточнославянские письмена.

В-третьих, достаточно обоснованы утверждения о том, что глаголица была изобретена до кириллицы. Об этом свидетельствует ряд фактов.

1) Глаголическая буква для носового *ѣ* образована путем добавления к обычному начертанию *ѐ* дополнительного знака (подобно тому, как обозначается носовое *ѣ* и в современной транскрипции); то, что при этом буква «повернута» в обратную сторону, не вызывает трудностей, так как подобные написания известны в греческом и связаны с использовавшимся до VI в. поочередным письмом слева направо и справа налево (бустрофедон). Глаголическая буква для *ѡ* носового образована путем присоединения к начертанию обычного *ѡ* знака для *ѡ* носового. Итак, начертания этих букв легко объяснимы логически. Начертания кириллических букв «юс малый» и «юс большой» для обозначения этих звуков так объяснить не удастся. Но их легко объяснить как повернутые на 90 градусов и стилизованные глаголические буквы для носовых.

2) Имеется ряд палимпсестов, т.е. рукописей, в которых устранен (выскоблен, смыт) имевшийся в них ранее текст, а на его место нанесен новый. Это происходило из-за дороговизны пергамента, изготовлявшегося из специально обработанной кожи.

В славянских палимпсестах часто кириллический текст нанесен на место устраненного глаголического. Так, например, в хранящемся в Российской Государственной библиотеке (бывш. им. В. И. Ленина) в Москве Боянском Евангелии под кириллическим текстом XII–XIII вв. благодаря современным способам фотографирования удалось прочесть 26 страниц глаголического текста XI в. (о существовании их было известно еще в прошлом веке, но тогдашние технические возможности не позволяли прочесть стертый текст, как и сейчас не удалось прочесть пока 58 страниц старого текста).

3) В некоторых кириллических текстах отмечаются ошибки, связанные с тем, что тексты эти переписывались с глаголицы. Так, например, в Саввиной книге (л. 58) написано **Ѓ ДЬНИ** т. е. '5 дней' вместо '6 дней' (Лк. 13.14). Речь идет о количестве дней в неделе, в которые надо работать. Эта ошибка получилась из-за того, что переписчик списал букву **є** из глаголического оригинала, но в глаголической системе цифрообозначений **є** означало '6' (поскольку глаголическая нумерация учитывала все буквы подряд, в том числе и **в**, отсутствующее в греческом и не входящее в кириллическую нумерацию), а в кириллической эта буква означает '5'. 4) В некоторых кириллических книгах XII–XIII вв., переписанных в Болгарии, например, в Болонской псалтыри, встречаются глаголические вставки. В глаголических же рукописях отмечаются позднейшие кириллические приписки.

В-четвертых, не вызывает сомнений локализация (отнесение к местности) древнейших из дошедших до нас письменных памятников. С одной стороны, древнейшие кириллические памятники (Саввина книга, Супрасльская рукопись, Енинский апостол) отличаются некоторыми восточноболгарскими чертами; с другой стороны, по определению крупнейшего знатока глаголицы И. В. Ягича, оба древнейших памятника моравского (по языковым данным) происхождения (Киевские листки и Пражские отрывки) выполнены древнейшим «не вполне круглым» почерком глаголицы, а остальные древнейшие глаголические памятники

(Мариинское, Зографское, Ассеманиево евангелия, Сборник Клоца, Синайская псалтырь и Синайский требник) переписаны в Македонии. Известно, что в «золотой век» славянской письменности при царе Симеоне сложилось два центра письменности и культуры: один вокруг Климента Охридского на Охриде и другой, возглавленный несколько позже Константином Преславским, – в Преславе. Можно предполагать, что глаголица культивировалась скорее в Охридской письменной школе, а кириллица – в Преславской. Этим не исключается знание и даже использование глаголицы в Преславе, о чем свидетельствуют надписи в Круглой церкви в Преславе, среди которых самая старая сохранившаяся глаголическая азбука, прерванная, впрочем, на 18-й букве. Глаголица получила распространение у хорватов-глаголяшей в Далмации, где она сохранялась долее всего.

В-пятых, названия славянских азбук позднейшие; в источниках речь идет о «славянском письме» без уточнения – глаголическом или кириллическом. Термин «глаголица» связан со словом **глаголъ** 'слово'; возможно, утвердился в науке под влиянием принятого у глаголяшей обозначения. Термин **коуриловица** в одном древнерусском памятнике (копии XV в. Толкований на библейские книги пророков, переписанные в 1047 г. попом Упырем Лихим) употреблен в контексте, допускающем его двоякое понимание: и как 'глаголица', и как 'кириллица'. Слово **кириллица (и куриловица)** производно от имени создателя славянской письменности Константина-Кирилла.

Исходя из этих бесспорных или достаточно надежных положений, возникновение славянской письменности может быть реконструировано следующим образом.

В докирилло-мефодиевский период славяне не обладали развитой системой письма. Как мнемотехническое средство использовали черты и резы: спорадически для передачи отдельных славянских слов (а может быть, и больших отрезков речи), возможно, использовалось греческое и латинское письмо без

приспособления. Получив задание создать христианские книги для славян Моравии, Константин, вероятно, еще до отъезда из Византии создал глаголицу (возможно, ее первый вариант) и начал переводческую деятельность. Именно глаголица (возможно, с некоторыми усовершенствованиями) была применена в Великой Моравии, Паннонии, в Далмации, у хорватов и привезена Климентом Охридским в Болгарскую державу, где и стала развиваться в Охридской письменной школе. Болгарская церковь была сильно связана с византийской, греческой, а потому здесь была сделана попытка приблизить славянское письмо к греческому. Не исключено, что сделано это было Константином Преславским, вероятно, сотворившим «Азбучную молитву», хотя это не доказано. Те буквы, которые имелись в греческом унциальном (торжественном) письме, были положены в основу новой славянской азбуки – кириллицы. Глаголица и кириллица какое-то время сосуществовали. Глаголицей чаще писали в западной части Болгарской державы, а кириллицей – в восточной. И. В. Ягич отметил преимущественное использование глаголицы для книг небольшого формата, а кириллицы – крупного, более торжественного. Замена глаголических книг кириллическими производилась, видимо, постепенно; глаголица не считалась еретическим письмом. Кое-где в глаголических книгах делались при их использовании кириллические пометы. Но все же постепенно глаголические тексты заменялись кириллическими, в Болгарии глаголическое письмо постепенно забывалось.

Иное дело – в Чехии и Далмации, где церковная ориентация была на Рим, а не на Константинополь; здесь распространение получила только глаголица. Кириллица получила распространение в Сербии, входившей в Симеоновский период в состав Болгарской державы. Она стала практически единственным славянским письмом на Руси, хотя некоторые грамотеи знали и глаголицу. Кириллица стала основой преобразованного при Петре I русского алфавита – гражданки, а также ее видоизменений у разных народов, в частности – у болгар, украинцев, белорусов. Вук

Караджич, создавая сербское письмо, также воспользовался русской гражданкой, дополнив ее некоторыми знаками.

Глаголица сохранилась, как уже сказано, у хорватов. С X до середины XIII в. она была известна среди низшего духовенства, а высшее духовенство ее считало нелегальной. С середины XIII в. при папе Иннокентии IV были получены местные привилегии, и это привело в XIV–XV вв. к созданию многих прекрасно оформленных кодексов. В 1347 г. хорваты-глаголяши «переносят глаголическую письменность на север, в золотую Прагу, где они становятся на сторону народа и в известном смысле пробивают путь Яну Гусу и Иерониму Пражскому» [Намм 1956]. В 1483 г. глаголица была использована для напечатания хорватского миссала – первой печатной книги славянским шрифтом. В XVI в. глаголицу используют протестанты, начинает применять ее и римская конгрегация Пропавшей веры. Глаголические церковные книги печатались глаголяшами вплоть до 1905 г. Глаголица использовалась у них и для неконфессиональных целей: в приходо-расходных книгах, книгах учета крещений, венчаний и покойных, протоколах нотариусов и т. п. Одним из центров глаголизма был о. Крк.

Глаголица (а вслед за ней и кириллица) хорошо отвечала фонемному составу старославянского языка; Константину Философу удалось разобраться в фонемном составе древнеславянского языка и установить те буквы, которых не хватало в греческой письменности. Вместе с тем в глаголицу были включены соответствия греческим буквам, в том числе и такие, которые в принципе для славянского языка не были нужны: две буквы для о: **o** и **ω** «он» и «от», т.е. греч. *омикрон* «о малое», т. е. краткое, и *омега* «о большое», т. е. долгое; две буквы для *i*: **і** и **и**, не считая еще и **ү** «ижицы», соответствующей греческому *ипсилону*, который обозначал губной передний звук типа *ï*, отсутствующий в славянском; две буквы для неславянского звука *f*: **ф** «ферт» и **ѣ** «фита». Включение этих букв говорит о том, что славянская азбука, по убеждению ее создателей, должна была вполне соответствовать

греческой; возможно, что практической подоплекой такого решения было стремление вполне адекватно передавать греческие имена и слова, заимствованные из греческого. Как известно, проблема написания заимствований всегда была и остается одной из животрепещущих для любой письменности. Она была актуальна и для греческих заимствований в старославянском, тем более что многие из них имели религиозное значение. На этом основано решение включить полностью греческий алфавит или его соответствия в азбуку нового литературного языка, строившегося по образу и подобию греческого и для реализации тех задач, которые стояли и перед греческим языком, – пропаганды правой веры. Но зависимость состава славянских букв от греческого алфавита делает весьма вероятным и предположение о зависимости начертаний букв славянской азбуки от начертаний греческого алфавита.

В трактате «О письменах» четко дана мотивация создания славянской письменности: «Но как можно хорошо написать греческими буквами: **БОГЪ** или **живѡтъ**, или **ѡѡлѡ**, или **ѡрковѡ**, или **чааннѡ**, или **ширѡта**, или **гадь**, или **ждоу**, или **юность**, или **ѡзыкѡ** и иные подобные этим (слова)» (Хр., гл. 2). Вместе с тем в трактате подчеркнута связь славянского письма с греческим. Во-первых, славянская азбука начинается с буквы «аз», как и греческая – с «альфы». Это можно было бы понять как указание на тождественность начертания первой буквы обоих алфавитов, что справедливо, если бы речь шла о кириллице, буква *а* которой практически тождественна греческому унциалу того времени для «альфы». Однако далее указывается параллель первой буквы греческого алфавита «альфы» с первой буквой еврейского алфавита «алеф», которые по начертанию различаются. Значит, речь идет о тождестве звукового значения первых букв. Дается и артикуляторное объяснение, почему надо именно с буквы, обозначающей звук *а*, начинать алфавит: «аз» было первой буквой, данной от бога роду славянскому, чтобы **открыть для знания учащих уста**, возглашается она широко раздвигая губы, а другие буквы

266

возглашаются и произносятся с малым раздвиганием губ» (Хр., гл. 3). Во-вторых, из славянских письмен „24 подобны греческим письменам, а это – **А, Б, Г, Д, Е, З, И, Ѡ, І, К, Л, М, Н, Ѣ, О, П, Р, С, Т, У, Ф, Х, Ц, Ч** (гл. 4; перечень букв дается по Саввинскому списку XV в.). Однако мотивация создания славянского письма спецификой славянской фонетики обуславливает и включение в славянский алфавит дополнительных букв: **Б, Ж, С, Ц, Ч, Ш, Щ, Ъ, Ы, Ъ, ѿ, Ю, ѡ, Ѧ** (Хр., гл. 4, перечень букв по Саввинскому списку).

Перечень букв, подобный приведенному, содержится с некоторыми отклонениями в большинстве из 73 списков сказания «О письменах», превосходно опубликованных и исследованных болгарским профессором Куйо Кувевым, и в нескольких списках, дополнительно обнаруженных Я.Л. Трёмбовольским (Минск). Но надо учесть, что все дошедшие до нас списки «О письменах» переписаны кириллицей, хотя в тексте речь идет скорее всего о глаголице. Поэтому перечни букв в списках представляют собой попытку передать глаголические буквы средствами кириллицы и приспособить фрагмент к кириллице. Так, в приводимом перечне названы буквы «кси» и «пси», отсутствовавшие в глаголице. В Московском списке XV в. в перечень букв, эквивалентных греческим, попали некие **пѣ, хлѣ, тѣ** наряду с **п, х, т** вместо имеющих в приводимом перечне «фиты», «кси», «пси»; эти же «буквы» (на деле сочетания букв) фигурируют и в Соловецком списке XVII в. Значимость этого показания связана с тем, что именно в этих списках памятника (а также еще в Молдавском XVI в.) имеется фраза в гл. 9: «Ведь еще живы те, кто их (Константина Философа и Мефодия) видели», важная для датировки памятника. Поэтому именно этот перечень относят к старейшей редакции, хотя в нем и есть ряд погрешностей переписчика. Стоит отметить, что в ряде списков памятника глава 4 ограничивается фразой: «Это же – письмена славянские, и так их надлежит писать и выговаривать: **А, Б, В...**». А перечни совпадающих и не совпа-

дающих с греческими букв сокращены (видимо, во избежание недоразумений).

Один из самых спорных вопросов истории славянского письма – происхождение начертаний глаголицы. Генезис (происхождение) этих начертаний не может быть единым уже в силу специфики славянской фонематической системы: едва ли возможно просто перенести алфавит одного языка на другой, не изменяя в нем ничего и / или не добавляя к нему ничего. Кириллица, как уже отмечалось, включила в себя все буквы греческого алфавита, но к ним потребовались некоторые добавления. Бесспорно и то, что греческий алфавит был важным и для создателя глаголицы, о чем свидетельствуют многочисленные ссылки именно на этот алфавит практически во всех древних сочинениях о славянской письменности, да и вся идеология Константина-Кирилла. Однако если в кириллице греческие начертания совпадающих с греческим курсивом букв сомнений не вызывают, то в глаголице дело обстоит не так очевидно. И все же некоторые начертания глаголицы явно греческие по происхождению. Это прежде всего буквы (Ѡ «от», Ѡ «ферт», Ѡ «фита», Ѡ «есть»). Буква г «глаголи» напоминает курсивную, скорописную «гамму» (ср. современное начертание строчной «гаммы»), стилизованную под другие начертания, что дает основание предположить, что и некоторые другие буквы глаголицы представляют собой стилизованные под устав (торжественное письмо, унциал) буквы греческого курсива. Это было показано с различной убедительностью для разных букв английским исследователем прошлого века Айсеком Тэйлором. Более убедительными представляются предложенные Тэйлором объяснения для Б (из «беты»), Д, Н, П, возможно А, а также уже упомянутых Ф, Ѡ, Ѡ, Ц, Г. Тейлор пытался таким способом объяснить все буквы глаголицы, включая и не совпадающие с греческой азбукой. Это едва ли реально. Некоторые добавления к сопоставлениям Тэйлора сделали другие ученые, но нельзя сказать, чтобы удалось бесспорно объяснить все

глаголические буквы, соответствующие греческим, из греческого курсива.

В глаголице есть буквы, объяснить начертание которых гораздо проще происхождением из еврейского, чем из греческого алфавита, хотя и в этом случае имеется определенная стилизация начертаний. Это буквы **Ш**, **Ц** и **К**, а возможно, и **Ч**.

Греческое письмо, особенно курсивное, широко использовало соединение двух знаков для обозначения одного звука. Такой характер имеет в славянском письме обозначение двух гласных заднего ряда верхнего подъема: несколько начертаний у – **Ы**, **ЪИ**, **Ы**, **БИ** (типологически одинаково в глаголице и в кириллице, хотя начертания отдельных знаков различны); написание *и* через двойное **О** в глаголице и через **ОУ** (как в греческом) в кириллице. Соединение двух знаков для обозначения одного звука в греческом письме доходило иногда до образования лигатуры (слитного начертания). Весьма вероятно, что славянское начертание **Щ** и в глаголице, и в кириллице представляет собой лигатуры (**Ш+Ч** и **Ш+Т**). В кириллице из соединения **Г** и начальной части обозначения *и* – **оу** образован знак **Ю**, подобный характер имеют и знаки для йотированного **А**, **Е**, юсов: **И**, **Ю**, **Я**, **Ж**. Глаголическое начертание носовых гласных тоже, весьма вероятно, имеет характер лигатуры, во всяком случае **Ж**. Но и дополнительный кружочек у юса малого в добавление к **Е** может толковаться как остаток глаголического **Н**, слившегося с **Е**, впрочем, аналогичен и дополнительный кружочек в **Ъ** по сравнению с **Ь**, но и в этом случае можно говорить об остатке знака **О** или об использовании в начертании самого принципа лигатурности.

Относительно некоторых начертаний букв глаголицы представляется вероятным предположить их «искусственный», собственно изобретенный характер. Наиболее вероятно такое предположение для начертаний букв **Ѣ** (**и**) и **Ѥ** (**с**). Эти буквы – первая и последняя (если не считать конечного добавочного славянского **ѣ**, отсутствующего в конце греческого слова) в имени **И(соу)с(ѣ)**,

использовавшиеся в сокращенном написании этого имени «под титлом» (а следует сказать, что написаниям под титлом приписывалось особое значение): **ѠѠ (ИГ)**. В глаголице они передаются сочетанием двух первичных элементов: кружка, означающего в христианской символике всевидящее око божества, и треугольника – символа троичности божества (Троицы: Бог-отец, Бог-сын и Бог-Дух святой), причем эти элементы в буквах находятся как бы в зеркально отраженном сочетании (**Ѡ (с)** – это как бы перевернутое **Ѣ (и)**). Если это так, то становится возможным и толкование первой буквы алфавита **Ѧ (а)** как видоизмененного креста (хотя, как отмечалось, нельзя полностью отвергнуть и объяснение происхождения этого глаголического начертания из греческой курсивной альфы). Естественно было, приступая к написанию или изучению азбуки, начать с креста. Так, по крайней мере, поступали и позже, начиная писать важный документ (крестом начинается грамота русского князя Мстислава Владимировича около 1130 г.). Нельзя исключать искусственности начертания и некоторых других знаков, например **Ѧ (ь)**. Разяще похожи соседние в азбуке начертания букв **Ѡ (л)** и **ѠѠ (м)** в древнейшем глаголическом памятнике – Киевских листках.

О происхождении начертаний букв глаголицы имеется обширная литература, в которой нет единства. Одни пытаются полностью объяснить все начертания, исходя из одного принципа, причем эти принципы у разных авторов различны, другие пытаются привлечь разные принципы, что представляется более вероятным (хотя и не может считаться доказанным).

Начертания букв кириллицы, совпадающих с греческим алфавитом, полностью отражают унциальные (уставные) начертания греческого письма VIII–IX вв. Отдельные буквы, как отмечено, представляют собой соединения и лигатуры. Некоторые буквы, взятые из глаголицы (**Ш**), претерпели определенные изменения (**Ѧ, Ѧ, Ѧ, Ѧ, Ѧ**). Не исключено, что к таковым относятся и **Ѧ, Ѧ** (со снятием верхнего кружка). Под этот же тип начертаний

подведена **Ѣ**. Буква **Б** представляет собой явное видоизменение **В** (с устранением части верхнего кружка). В кириллице в соответствии с греческим алфавитом включены буквы **Ѣ** и **Ѥ** для передачи звуко сочетаний *ks* и *ps*, хотя в славянском такие сочетания стали возможны практически лишь после падения редуцированных (превращения **ѣ** и **ь** в слабой позиции в нуль) и были не очень характерными.

В глаголице имеется специальная буква «гервь», которую рассматривают как знак для передачи мягкого *g*. Такой буквы в кириллице нет; в кирилловской транскрипции используют для нее знак **Ѣ**. Действительно, в старославянских рукописях эта буква употреблялась именно в указанном значении. Однако нельзя исключить, что это был специальный знак для рефлекса сочетания **dj*, который в различных южнославянских говорах звучал по-разному. Тогда, быть может, станет понятней, что глаголическая буква для **ѣ** представляет собой не лигатуру **Ш** и **Т**, как в кириллице, что вытекает из болгарского (восточноболгарского) рефлекса **tj* – *шт*. Есть и еще некоторые спорные моменты в вопросе о древнейшем составе глаголицы, а также о древнейших начертаниях глаголических букв и о вариантах некоторых букв.

Буквы глаголицы и кириллицы, как и греческие буквы, использовались не только для передачи звуков (фонем), но и как цифры. Буквам по порядку приписывалось значение 1, 2, 3 и так до 10, затем 20, 30 до 100, затем 200, 300 и т.д. Если надо было обозначить число, например 26, употребляли знак десятков, а потом знак единиц и т. п. Чтобы отличить цифровое употребление от собственно буквенного, до и после цифры ставили точки, а над буквой ставился знак титла (черточка с завернутыми краями): **•Ѧ•**. Для обозначения чисел второго десятка в соответствии с принятым у славян словесным обозначением (**ШЕСТЬ НА ДЕСЯТИ**) «цифра» единиц ставилась перед обозначением десятки: **•ѢѦ•**. В кириллице перед обозначением тысяч ставился специальный зна-

чок, обычно две черточки, перечеркнутые кривой чертой (ѣ). В глаголице для обозначения 1000 использовалась буква ч в связи с чем предполагают, что для тысяч вообще были отдельные буквенные обозначения (например, по предположению Н. С. Трубецкого, 2000 обозначалось Ш, 3000 – Ъ и т.д.). Кириллица перенесла цифровое значение из греческого письма, поэтому негреческая (собственно-кириллическая) буква Б не обладала цифровым значением и обозначение цифр делалось с отступлением от принятого порядка букв в азбуке. В глаголице же использован греческий принцип, но цифровое значение приписано глаголическим буквам по порядку. Поэтому буква Б здесь имеет значение '2', а Ѣ, обозначающее в кириллице, как и у греков, '2', в глаголице обозначает '3'.

Цифровые обозначения нескольких сохранившихся алфавитов (азбук), а также дошедший до нас азбучный акростих (стихотворение, первые буквы строк которого выстраиваются в определенном порядке, образуя, например, слово; в данном случае они выстроены в азбучном порядке) позволяют с большой вероятностью восстановить принятый в древности азбучный порядок, хотя в конце азбуки и в некоторых местах в середине ее есть не вполне четкие места. Буквы имели издревле свои названия, как и греческие (*альфа, бета/вита, гамма, дельта* и т.д.): **азъ, бѣкы, вѣдѣ, глаголи** и т.д. Эти названия, как убедительно показал болгарский исследователь славянских азбук Э. Георгиев, представляют собой первые слова какого-то не дошедшего до нас азбучного акростиха. Древнее славянское письмо не имело четкой системы знаков препинания. Слова друг от друга в рукописях не отделялись. В случае необходимости обозначить паузу ставилась обычно точка. В конце сообщения или какого-то относительно законченного его фрагмента могла стоять комбинация из точек (:, ::, ∴), комбинация из точек с чертой, имеющей нередко какие-то закругления. Новое сообщение (глава, стих) могло начинаться с

крупной заглавной буквы, нередко специально разрисованной (инициал).

Сакральные (относящиеся к религиозному культу) слова выделялись тем, что их обозначали сокращенно (обычно в сокращение входила первая и последняя буква, иногда и промежуточные); над такими сокращениями обязательно ставилось титло (как и над цифрами).

Разумеется, в разных письменных школах в разное время начертания букв менялись, иногда такие изменения были очень значительными. Главными вариантами начертания при этом оставалось торжественное уставное письмо (унциал) и скорописное письмо, допускавшее довольно много упрощений в написаниях букв (курсив). От древнейшего времени до нас дошли надписи и рукописи, выполненные уставом. Видимо, славянский курсив стал использоваться позже. Показательно в этом отношении, что древнейшие частные письма славян – новгородские грамоты на бересте – выполнены буквами уставного типа, хотя с некоторыми особенностями, связанными с техникой исполнения (процарапывание на березовой коре).